

• Автор: [Антон Барбашин](#)

[Лучший враг Кремля](#)

Через два месяца Владимир Путин в очередной раз останется президентом России. Предвыборная повестка сегодня – даже по сравнению с 2012 годом – значительно более скудная, [лишенная больших обещаний](#) и проектов будущего. Вся интрига предвыборного времени крутится вокруг [санкционных списков](#), секретного визита [глав российских разведывательных служб в США](#) и общего ожидания будущего российско-американских отношений. Вопросы внутренней политики настолько отодвинуты в сторону, что даже намек на дискуссию (пусть даже и Путина с самим собой) не существует. Основным тезисом его предвыборной кампании пока стало грозное обещание, [озвученное](#) на встрече с доверенными лицами в конце января: «Все, что мешает движению вперед, должно быть зачищено и отброшено».

Символично, что выборы президента в России проходят в четвертую годовщину аннексии Крыма. Четыре года назад, когда Россия пошла на нарушение международного права, присвоив себе часть территории суверенного государства, Кремль, казалось бы, поставил жирную точку в вопросе «С кем мы?». Позднее, уже в Донбассе, Кремль подтвердил свое решение «быть не с Западом и сделать все возможное, чтобы от него не зависеть». Получилось ли?

Ушли на Восток?

Несмотря на риторику, звучащую от представителей всех уровней власти в 2014-2016 гг., России так и не удалось заменить Запад Востоком. [Ограниченный успех](#) в поиске кредитов для государственных корпораций, увеличение импорта из Китая и умеренный прогресс в развитии отношений с Японией и Южной Кореей доказывают скорее лимиты возможностей, которыми располагает Кремль сегодня. В каком-то смысле поворот на Восток [уткнулся в те же проблемы](#), которые раньше мешали углублять взаимодействие со странами Запада. Видя отсутствие независимых судов и прозрачной и понятной обстановки для ведения бизнеса, инвесторы не торопятся вкладывать в Россию. Страны Востока работают по тем же правилам, что и страны Запада, – им необходимы приемлемые и прозрачные условия для инвестиций, соответствующие мировой практике. У нас же пока получается добиться только того, что решается при прямом участии глав государств, и речь в таких случаях в основном идет о государственных корпорациях. Этого недостаточно.

Что касается позиционирования себя партнером Китая в деле построения многополярного мира в противовес Западу, то достигнутые в этом направлении «победы» оказались подходящими разве что для ТВ-пропаганды. Вопреки ожиданиям Кремля, Китай оказался куда более осторожным и рациональным партнером. Даже если убрать в сторону развернутую по всему периметру российских границ экономическую активность Китая (она, безусловно, снижает экономическую роль России для соседних стран), то Кремль все равно не может быть удовлетворен политикой Пекина, т.к. он остается крайне осторожным в плане политической поддержки России, будь то по вопросу Крыма или Донбасса, не говоря уже о помощи в решении сирийского конфликта. Пекин никак не помогает в решении санкционного вопроса, значение которого растет с каждым годом. Более того, не стоит сомневаться, что если западные санкции ужесточатся, то Китай ([и не только](#)) в первую очередь будет думать только о себе, избегая любых возможных рисков, которыми чревата работа с оказавшимися под санкциями компаниями, банками и отдельными лицами. Спустя четыре года, прошедших с аннексии Крыма, становится очевидно, что каким бы слабым когда-то ни казался Запад и США в частности, правила игры все равно остаются в руках «бывшего мирового гегемона».

Разделить Запад

Параллельно с выстраиванием партнерских отношений с Китаем Кремль активно старался вбить клин как в трансатлантическое единство ЕС и США, так и между отдельными странами ЕС. Особым пунктом нужно отметить ограниченные попытки повлиять на результат выборов в ряде государств ЕС, прямую поддержку Марин Ле Пен, почти братскую любовь с Милошем Земаном и недвусмысленные контакты с «Альтернативой для Германии» в ФРГ. Безусловно, тема вмешательства России в европейскую политику крайне спекулятивна. На фоне действительно осуществлявшихся операций по поддержке «правильных политических сил», сегодня можно увидеть почти безразборное приписывание Кремлю любых поражений либеральной демократии в регионе. Будем честными, кризис либеральной демократии не является прямой заслугой Кремля, хотя желание надавить на больные точки – вполне закономерная политика авторитарной России Путина. Однако добиться существенного успеха – то есть Европы, погруженной исключительно в свои проблемы, – Кремлю пока не удалось. Да и санкционное давление не ослабевает, несмотря на множество попыток сдвинуть вопрос с мертвой точки. Среди таких попыток – предложения «большого компромисса» и попытки повлиять на санкционную политику через отдельные европейские страны и политиков, недовольных санкциями и потерями для бизнеса.

Пожалуй, единственной ценной победой Кремля в деле расшатывания трансатлантических связей стал ситуативный «альянс» с Турцией для решения сирийского вопроса. Но тут стоит помнить, что союзы автократов, даже если они разделяют похожие ценности, редко бывают долгосрочными (здесь будет уместно вспомнить эпизод со сбитым российским истребителем). Тем не менее, сегодня формальный член НАТО ведет себя скорее как «свой во вражеском тылу», ударяя по единству организации и сужая пространство тактических возможностей США в регионе.

Запад уже не един, но его неединство – не заслуга Кремля (по крайней мере, не только его). При этом до сих пор не до конца понятно, может ли Кремль хоть как-то решить свои насущные проблемы за счет процессов, протекающих сегодня по обе стороны Атлантического океана.

Процесс решения «вопроса Донбасса», начатый без участия Вашингтона, провалился – как, впрочем, канули в Лету и любые надежды Кремля договориться с европейцами в обход американцев. Москва

постепенно возвращается в начало 2000-х, когда свое политическое будущее на международной арене она ассоциировала исключительно с Вашингтоном. Хотя тональность сегодняшней повестки, безусловно, совсем иная.

Вашингтон - лучший враг Москвы

Сегодня уже очевидно, что у Москвы остается все меньше надежд на то, что она способна обойтись без Вашингтона. «Украинский кризис» может быть решен только с американцами (Волкер-Сурков); закончить сирийскую войну можно только скоординировав свои усилия и договорившись с американцами (по крайней мере, это точно приведет к снижению издержек); уберечь российскую экономику, как и добрую половину правящей элиты, от еще большего санкционного шока можно только добившись доброй воли Вашингтона. И все это необходимо делать в условиях небывалой токсичности темы России в Вашингтоне, давления Конгресса с целью расширения санкций и ограниченных возможностей Трампа воспрепятствовать грядущей эскалации.

Как бы ни хотела Москва, но центральной темой российской внешней политики ближайших лет станут США. И если последние три-четыре года Россия часто задавала тон игры, создавая обстоятельства, с которыми приходилось считаться и Европе, и США, то повестка конца 2010-х будет исключительно оборонительной.

теги

[US](#)

[Sanctions](#)

[Trump](#)

категории

[Russia / World](#)

Использование материалов интернет-издания "Intersection" путем их полного воспроизведения разрешается только с разрешения редакции Intersection - intersection@intersectionproject.eu